

Социальные трансформации

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-30-46

Иван Юрьевич ЗУЕНКО

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
Пушкинская ул., 89, Владивосток, Приморский край, 690000, Российская Федерация
ivanzuwei@gmail.com

Укрепление «вертикали власти» по-китайски: кадровая политика в отношении регионального руководства в современном Китае

АННОТАЦИЯ. В работе анализируется одна из важнейших тенденций в развитии политического процесса в КНР в период между 18-м и 19-м съездами Коммунистической партии Китая (2012–2017 гг.), связанная со стремлением нынешнего лидера страны поставить во главе регионов лояльное ему руководство. Положение в регионах к 2012 г. характеризовалось доминированием сил, потенциально оппозиционных Си Цзиньпину и его «фракции». Именно это вызвало наблюдаемое сопротивление региональных элит политике Си в социально-экономической сфере, определяющее ее низкую эффективность. Как следствие, стремясь укрепить «вертикаль власти» и обеспечить в регионах поддержку своему курсу, нынешнее руководство страны осуществило масштабную антикоррупционную чистку и инициировало смену региональных лидеров, используя существующую практику ротации руководящих кадров. Активизация данного процесса пришлась на 2015–2017 гг. В основном к 19-му съезду КПК, запланированному на октябрь 2017 г., постав-

ленная задача была решена. В руководство китайских регионов пришли новые люди, представляющие ряд ранее не выделявшихся группировок и фракций, которые объединяет лояльность нынешнему лидеру страны. Это позволяет Си Цзиньпину рассчитывать на более эффективную реализацию своих политических установок в следующие пять лет его правления и в перспективе укрепление режима единоличной власти параллельно с отходом от практики коллективного руководства.

Работа написана на основе широкого круга источников, представляющих официальные документы ЦК КПК и региональных органов власти, статистические и биографические данные. Для раскрытия темы разъясняются принципы ротации руководящих кадров и организации гражданской администрации в современном Китае. Это делает работу интересной не только с точки зрения мониторинга текущего политического процесса в Китае, но и позволяет рассматривать ее как вклад в отечественную литературу по

проблемам организации и функционирования политической системы в КНР. Научно-аналитическая работа по проблематике смены регионального руководства в КНР при Си Цзиньпине публикуется в отечественной историографии впервые.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Китай, политика, Си Цзиньпин, Коммунистическая партия Китая, китайские регионы,*

Северо-Восточный Китай, региональная власть, бюрократия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зуенко И.Ю. (2017). Укрепление «вертикали власти» по-китайски: кадровая политика в отношении регионального руководства в современном Китае. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (5). 30-46. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-30-46

Social Transformations

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-30-46

Ivan Yu. ZUENKO

Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

89, ul. Pushkinskaya, Vladivostok, Primorsky Krai, Russian Federation, 690000

ivanzuwei@gmail.com

Strengthening of “Power Vertical”: Allocation and Promotion of Regional Leaders in Modern China

ABSTRACT. *The article is dedicated to the one of the most important trends in current political process in China in period between 18th and 19th Communist party of China national congresses (2012–2017). The trend is characterized with the desire of current national leader Xi Jinping to provide support of regions by appointment of loyal regional leaders. That can be explained by the situation before 2012 when most of regional leaders were potentially opposite to Xi Jinping and his “faction”. It led to resistance to Xi’s policy in social and economic spheres and made Xi’s measures not so effective. As result, to strengthen “power vertical” (term referred to Russia initially but fit to China’s realities as well) current Xi Jinping ini-*

tiated large-scale anti-graft campaign and change of regional leadership using practice of officials rotation. This process began after 2012 but culminated in 2015–17. Finally, before 19th CPC National Congress in October, 2017, the task has been fulfilled. Regional leadership in China now includes new leaders representing a row of new “factions” and “cliques” united by their loyalty to Xi Jinping. It lets Xi hope for more effective realization of his political course during next five years, as well as strengthening of his personal power at the expense of “collective leadership” practice. The article uses wide range of original sources representing official documents of Communist party of China Central Committee and regional

governments, statistical and biography materials. It is first publication on the topic of regional leadership change under rule of Xi Jinping in Russian academic science.

KEYWORDS: *China, politics, Xi Jinping, Communist party of China, Chinese regions, North-Eastern China, regional government, bureaucracy*

FOR CITATION: Zuenko I. Yu. (2017). Strengthening of “power vertical”: allocation and promotion of regional leaders in modern China. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (5). 30-46. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-30-46

Десятилетие, предшествовавшее избранию Си Цзиньпина на пост генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Китая, было ознаменовано нахождением у власти т.н. «четвертого поколения руководителей»¹ (функционеры 1940-х гг. рождения, окончившие вузы и начавшие трудовую деятельность до начала «культурной революции»). В руководстве высших органов КПК осталось сильное влияние занимавшего пост генсека ЦК КПК в 1989–2002 гг. Цзян Цзэминя и его ставленников², а сам он до 2004 г. сохранял за собой ключевой пост председателя Военного совета ЦК КПК. Десятилетие 2002–2012 гг. характеризуется сосуществованием двух тенден-

ций. С одной стороны, Китай пожинал плоды успешного экономического развития 1990-х гг. и осуществил целый ряд успешных проектов, укрепивших его статус одного из мировых лидеров (запуск в космос первого тайкунавта в 2003 г., Олимпиада в Пекине в 2008 г., Всемирная выставка в Шанхае в 2010 г., Азиатские игры в Гуанчжоу в 2010 г.). С другой стороны, руководство партии и страны избегало радикальных мер в решении назревших вопросов социально-экономического и политического развития страны, что в отдельных сферах (неэффективность госсектора, рост долгов местных правительств и корпоративного сектора, экология, коррупция) привело к серьезному кризису. Оценок периода правления Ху Цзиньтао как времени нарастающего системного кризиса придерживаются многие известные отечественные и зарубежные эксперты³.

В политическом процессе для данного периода оказалась характерна консервация существовавших практик (как официальных, так и негласных). Благодаря этому к 2012 г. система выглядела достаточно предсказуемо для наблюдателя: особенно в части подходов к трансферу власти, иерархии номенклатуры, ротации кадров и «поддержанию стабильности»⁴. При этом анализ данных о реализации стратегических установок Чжуннаньхая⁵ по-

1 Подробнее о концепции «поколений руководителей КНР» см.: (Li, 2016a; Li, 2016b; Румянцев, 2016).

2 К их числу относят являвшихся членами Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Цзэн Цинхуна, Цзя Цинлина, Хуан Цзюя, Ло Ганя и др. См. подробнее: (Lampton, 2014, p. 173; Li, 2016a, p. 258–261).

3 См.: (Денисов, 2015), а также: Габуев А.Т. Вперед к застою. Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2235270> (Дата обращения: 01.10.2017); Денисов А.И. У России не было той же возможности, что и у Китая. Lenta. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/10/24/ambassador> (Дата обращения: 01.10.2017); Паал Д. К концу правления Ху Цзиньтао коррупция достигла ужасных размеров. Коммерсант. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3096246> (Дата обращения: 01.10.2017).

4 Имеется в виду система «вэйвэнь» (维稳) – «поддержание стабильности», заключающаяся в применении комплекса тактических мер по предотвращению протестных проявлений и террористических угроз вместо коренных социально-экономических реформ. Применение данной системы создавало иллюзию благополучия Китая в сфере безопасности и способствовало тому, что чиновники на местах предпочитали замалчивать проблемы, чем их решать. См. также: Денисов И.Е. Великая антитеррористическая стена. Lenta. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/06/11/chinesesecurity/> (Дата обращения: 01.10.2017).

5 Резиденция высшего руководства КНР и КПК в центре Пекина в переносном смысле может означать высшее китайское руководство (сродни «Кремль» для обозначения руководства России, «Белый дом» – США, и т.д.).

зволюло характеризовать систему политической власти и управления в КНР как громоздкую, не всегда эффективную бюрократическую машину, в которой партийный аппарат сращен с административным, существует дублирование функций и целый ряд номинальных, не обладающих реальной политической властью или административными функциями ведомств (Гудошников, 2004; Bergsten et al., 2008, p. 121).

Регионы страны, объединенные в огромные по размерам и населению провинции, оказались в положении, когда Центр не имел иных действенных рычагов воздействия на них, кроме ротации местного руководства, и при этом в условиях дефицита бюджетных средств продолжал требовать от них формального выполнения установок Центра⁶. Повсеместно это привело к ситуации, когда установки Центра превращались не более чем в некое «пожелание, но никак не в конкретное указание к действию» (Bergsten et al., 2008, p. 122). Ключевое значение приобрела личная лояльность регионального лидера своему патрону в Центре. Иными словами, на первые роли вышел фактор принадлежности регионального руководства к той или иной группировке или условной фракции внутри партийной элиты.

Эпоха, начавшаяся в Китае в 2012 г., ознаменована приходом к власти представителей так называемого «пятого поколения руководителей» (лица 1950-х гг. рождения, юность которых при-

шлась на период «культурной революции»). Си Цзиньпин был избран на должность генерального секретаря ЦК КПК и председателя Военного совета ЦК КПК, а позднее стал председателем КНР, то есть занял высшие посты в правящей партии и государстве. Занявший пост премьера Госсовета Ли Кэцян, как считается, являлся ставленником Ху Цзиньтао и возглавляемой им группировки выходцев из китайского комсомола⁷ (Li, 2016a, p. 28–292) (подробнее о концепции фракционного дуализма – см. ниже).

Таким образом, в отличие от тандема Ху – Вэнь, где оба руководителя являлись партнерами и единомышленниками, лидеры «пятого поколения руководителей» – Си и Ли – оказались в состоянии соперничества. В этих условиях ключевыми фигурами в команде Си Цзиньпина стали председатель Центральной комиссии по проверке дисциплины КПК Ван Цишань (1948 г.р.), Ли Чжаньшу (1950 г.р., глава Канцелярии ЦК КПК) и Чжао Лэцзи (1957 г.р., глава Орготдела⁸ и секретарь ЦК КПК) (Neilmann, 2016, p. 20).

Наблюдателями выделяется ряд условных группировок, объединенных вокруг Си Цзиньпина и отражающих его видение будущего Китая: это так называемая «новая чжэцзянская армия» (или «чжэцзянская клика»), сформированная из его сослуживцев по парткому провинции Чжэцзян (Lam, 2016b)⁹, «шэньсийская группиров-

6 Зуенко И.Ю. Как китайские регионы залезли в долги, и что это означает для России. Российский совет по международным делам: официальный сайт. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kak-kitayskie-regiony-zalezli-v-dolgi-i-chto-eto-oznachaet-dlya-rossii/> (Дата обращения: 01.10.2017)

7 «Комсомольская группировка» («туаньпай» 团派) – предполагаемая фракция внутри КНР, объединяющая номенклатуру, имеющую опыт работы в китайском комсомоле, в т.ч. под руководством Ху Цзиньтао в бытность его первым секретарем этой организации. Как считается, «комсомольцы» составляют «популистскую фракцию» и отражают интересы регионов страны, в т.ч. отстающих в экономическом развитии.

8 В нынешней конфигурации власти ключевое значение имеют Канцелярия ЦК КПК, ответственная за повседневное администрирование и документооборот высших органов партии, а также Организационный отдел Секретариата ЦК КПК (в тексте – Орготдел), ответственный за кадровые назначения в центральных органах и региональных комитетах КПК.

9 См. также: Horbny L.T. Mitchell. Xi Jinping moves to cement power with 'New Zijiang Army'. *The Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/7bf7e650-a95a-11e6-809d-c9f98a0cf216> (Accessed: 01.10.2017)

ка», объединяющая выходцев из родной для клана Си провинции Шэньси, а также чиновников, работавших под руководством Чжао Лэцзи в шэньсийском парткоме (Li, 2014), «группировка Ван Цишаня», к которой близки кадры, сделавшие карьеру на волне антикоррупционной кампании (Lam, 2016a), «военно-космическая фракция», в которую включаются выходцы госкомпаний, занимающихся аэрокосмической программой НОАК (Lam, 2013).

В целом, если в 2012 г. Си считался фигурой, равноудаленной от двух основных противоборствующих фракций («комсомольцев» и «шанхайцев»), то за пятилетие его нахождения на высших постах в партии и государстве стало очевидно, что вокруг него формируется его собственная «фракция», которую Чэн Ли обозначает термином «элитисты»¹⁰ (Li, 2016a). При этом к началу периода 2012–2017 гг. в региональных организациях КПК и местном руководстве сильнее были позиции фракции «комсомольцев» (Чэн Ли также обозначает их термином «популисты») (Li, 2016a, p. 29). Подобный расклад сил вынудил Си Цзиньпина использовать ротацию руководящих кадров для укрепления своих позиций в регионах и ослабления потенциально оппозиционной ему фракции «комсомольцев».

Данная статья посвящена тому, как именно осуществлялся этот процесс. Целью работы является раскрытие механизма и динамики того, что нами по аналогии с российскими реалиями времен первого президентского срока В.В. Путина условно названо «укреплением вертикали власти» в китайском варианте, то есть установления контроля над региональным руководством с целью эффективной реализации политики Центра.

Для этого нами привлечен широкий круг источников, представляющих официальные документы, статистические и биографические данные, а также сделан ряд теоретических обобщений, касающихся фракционного подхода в изучении китайской политики и практики ротации руководящих кадров применительно к региональному аспекту.

Исходя из вышеизложенного статья разделена на три раздела, посвященных: 1) концепции фракционного дуализма; 2) практике ротации руководящих кадров в современной КНР; 3) анализу кадровых назначений в руководстве провинций КНР в 2012–2017 гг.

Концепция фракционного дуализма

Отдельного внимания заслуживает разъяснение того, какие теоретические подходы использовались нами при оценке текущей ситуации в политической элите Китая.

«Фракционная теория» является наиболее популярной концептуальной рамкой, позволяющей объяснять кадровые назначения в китайском руководстве. Согласно ей, вся высшая партийно-административная элита КПК делится на несколько группировок, объединенных по принципам землячеств (пример: «шэньсийская группировка», «клуб Сишань»), наличия общих студенческих связей (выходцы из Университета Цинхуа) или связей по месту работы в том или ином китайском регионе («шанхайская группировка», «новая чжэцзянская армия») / ведомстве («комсомольская группировка»).

Вопрос о характере взаимоотношений группировок между собой в си-

10 При этом Чэн Ли исходит из того, что «элитисты» представляют собой широкий альянс сил, объединенных вокруг Си Цзиньпина, а также Цзян Цзэминя.

лу недоступности достоверной информации о закулисе Чжуннаньская остается открытым. Однако очевидно, что тезис о борьбе двух антагонистических фракций (чаще всего в таком качестве выставляются «комсомольцы» и «шанхайцы»), которого придерживается, например, автор компилятивного текста по материалам гонконгской прессы Н. Вавилов¹¹, является примитивизацией сложного процесса. Компромиссным вариантом стала продвигаемая Чэном Ли концепция «одна партия – две фракции», согласно которой группы «популистов» и «элитистов» действительно олицетворяют два альтернативных друг другу взгляда на развитие партии и страны, но взаимодействие между ними носит характер не только соперничества, но и взаимодополнения. Тем самым они воплощают в себе идею о внутрипартийной демократии и конкуренции политических взглядов (Li, 2016a).

Иначе говоря, признавая неясность при существующей ограниченности источников характера взаимодействия фракций в нынешней КПК, я исхожу из того, что в китайской политической элите присутствуют две группы интересов. Одна (популистская) олицетворяет подходы в управлении страной, существовавшие в десятилетие, предшествующее приходу к власти Си Цзиньпина: широкое использование рыночных механизмов, постепенная либерализация общественной жизни, поддержание социальной стабильности путем субсидирова-

ния убыточных госпредприятий, выравнивание диспропорций регионального развития. Вторая (элитистская) отражает новые, более решительные подходы, идущие от Си Цзиньпина и его единомышленников: централизация власти в партии, укрепление партийной дисциплины, повышение роли армии в жизни общества, усиление административно-полицейского режима, реструктуризация убыточного госсектора.

Данный подход я предлагаю называть *концепцией фракционного дуализма*¹². Применительно к кадровым перестановкам данная концепция предполагает, что, коли две фракции представляют два альтернативных взгляда на будущее Китая, потенциально между ними возможен (или уже существует) конфликт, для победы в котором Си консолидировал власть: сначала в Центре, а затем и в регионах.

В той или иной степени фракционный подход характерен для всех аналитических работ, посвященных внутриэлитному политическому процессу в КНР¹³, несмотря на то, что в официальных документах ни один из вышеуказанных терминов не употребляется, а состав и «политическая программа» фракций являются предметом дискуссий.

Несмотря на целый ряд недостатков, характерных для концепции фракционного дуализма, о которых автор уже упоминал в других своих работах¹⁴, в качестве базовой теоретиче-

11 См.: (Вавилов, 2017).

12 Причем вслед за Чэном Ли автор подчеркивает, что дуализм не обязательно означает соперничество (!), но потенциально может к нему привести.

13 Среди иностранных ученых наиболее авторитетным последователем данной концепции является уже неоднократно упоминавшийся Чэн Ли. Среди работ российских авторов данная концепция лежит в основе уже упоминавшегося текста Н. Вавилова и научно-популярного проекта Александра Габуева «Масти китайской власти». Подр. см.: Габуев А.Т. Масти китайской власти. *Коммерсант*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2047342> (Дата обращения: 17.10.2017).

14 См., напр., (Зуенко, 2012), а также: Зуенко И.Ю. Как китайские регионы залезли в долги, и что это означает для России. *Российский совет по международным делам: официальный сайт*. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kak-kitayskie-regiony-zalezli-v-dolgi-i-cto-eto-oznachaet-dlya-rossii/> (Дата обращения: 01.10.2017). Кроме того, следует обратить внимание и на публикацию А.О. Виноградова (Виноградов, 2016).

ской основы принимается именно она. Эта «безальтернативность» объясняется практически полной закрытостью китайской политической элиты от исследователя. Единственным «окошком» в этот закрытый мир являются работы авторов, имеющих высокий уровень контактов среди представителей китайских властных кругов (в их числе выделяется Чэн Ли, этнический китаец, в настоящий момент имеющий американское гражданство и работающий в Бруклинском институте, гонконгский исследователь Вилли Лам, а также американец Дэвид Шэмбо, придерживающийся радикально скептических взглядов относительно будущего КПК¹⁵). С известной долей скепсиса по отношению к их выводам мы вынуждены пользоваться фактической информацией, отраженной в их работах, поскольку других источников о китайской политической элите у нас на данный момент нет.

Практика ротации руководящих кадров в современном Китае

В отличие от фракционного взаимодействия практика ротации руководящих кадров может быть исследована по официальным документам КПК, Министерства гражданской администра-

ции и местных органов власти. Данная практика является механизмом контроля политической мобильности и осуществляется руководством КНР для решения нескольких задач.

Во-первых, Центр препятствует формированию региональных элит, фракций, стремится повысить лояльность регионов, то есть препятствует появлению центробежных и сепаратистских тенденций. Особенно явно данная задача проявилась после перехода к «рецентрализации» в Центр-региональных отношениях в первой половине 1990-х гг., хотя сама практика ротации ганьбу¹⁶ применяется с первых лет существования КНР¹⁷. Недостаточно эффективная реализация установок Центра в первые годы правления Си Цзиньпина должна была натолкнуть его на мысль о том, что регионы становятся неуправляемыми, и это необходимо было исправить с помощью расстановки на местах лояльных ему кадров.

Во-вторых, постоянные перемещения между регионами и направлениями работы имеют целью отбор и воспитание будущих лидеров страны. Значение опыта работы в регионах с точки зрения совершенствования «резюме» постоянно растет¹⁸. С этой точки зрения направление в регионы молодых, перспективных руководителей из числа протеже Си Цзиньпина также име-

15 Подобные взгляды, распространенные и среди других западных экспертов, даже получили название «шэмбоизм» (shambaughism).

16 空降干部 («кунцзян ганьбу»), что можно также перевести как «ганьбу-десантники», поскольку назначения чиновников в руководство провинций производятся из Пекина. Ганьбу – термин для обозначения партийно-административной номенклатуры, популярность употребления которого значительно снизилась по сравнению с 1950–1990-ми гг., однако не исчезла полностью.

17 Liang Q. Performance, preference, promotion: political mobility of Chinese regional leaders. Louisiana State University Doctoral Dissertation. 2014. P. 54. URL: http://digitalcommons.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2562&context=gradschool_dissertations (Accessed: 01.10.2017)

18 Так, в 2007 г. среди 25 членов Политбюро ЦК КПК 17-го созыва было 19 человек с опытом работы в регионах (76%), тогда как в начале политики реформ и открытости, в 1982 г., эти показатели составляли 9 человек из 25 (только 36%). См.: Liang Q. Performance, preference, promotion: political mobility of Chinese regional leaders. Louisiana State University Doctoral Dissertation. 2014. P. 38. URL: http://digitalcommons.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2562&context=gradschool_dissertations (Accessed: 01.10.2017)

ет практический смысл: они должны пройти «обкатку» работой на местах, чтобы в дальнейшем войти в высшие центральные органы.

В-третьих, с помощью этой практики Центр хочет обеспечить более эффективное выполнение его стратегических установок, поощряя через карьерное повышение тех региональных лидеров, которые добиваются успехов. Критерии успешности являются предметом «тонкой настройки» со стороны идеологов КПК, однако в течение периода политики реформ и открытости они, как правило, сводились к достижению высоких количественных показателей развития экономики. В 2016–2017 гг., в условиях торможения китайской экономики, на первый план вышла также установка не допустить дестабилизации социальной обстановки на местах¹⁹. С точки зрения концепции фракционного дуализма подобная задача может объясняться подготовкой Си Цзиньпина к возможной эскалации соперничества с «комсомольской» оппозицией вплоть до сценариев государственного переворота.

Как же выглядит ротация руководящих кадров на практике? В рамках данной работы мы разберем только ротацию на провинциальном уровне, хотя в целом она активно применяется начиная с окружного (городского) уровня административно-территориального устройства²⁰.

За кадровую работу отвечает Орготдел ЦК КПК, возглавляемый Чжао Лэцзи, близким соратником генсека, кото-

рый таким образом контролирует кадровые назначения в регионы.

Функционеры, назначаемые на работу на места в рамках ротации, обозначаются слэнговым термином «летающие ганьбу» (Hu, 2016, p. 10). Ротация «летающих ганьбу» только на первый взгляд кажется непредсказуемой и нелогичной. На самом деле в ее основе лежит ряд структурированных практик.

Во-первых, существует иерархия административных должностей²¹, установленная «Законом о государственной службе» от 1 января 2006 г. В КНР используется система иерархии административных должностей. В соответствии с этой системой выделяются 5 категорий административных должностей, каждая из которых подразделяется еще на две подкатегории (полноценную – «чжэн» 正, и вице-должность – «фу» 副). Должности в руководстве провинций и министерств находятся на одном уровне – (正副部长级, «уровень министерств и провинций»).

На практике существует и негласная иерархия внутри сращенного партийно-административного аппарата. Согласно ей на каждом из уровней высшая партийная должность (секретарь местного парткома) главнее высшей административной должности (на провинциальном уровне – губернатор). Три должности формально находятся на одном уровне (губернатор, министр, секретарь провинциального парткома), но на практике повышением является назначение с должности губернатора на пост министра

19 Зуенко И.Ю. «Ржавый пояс» на границе с Россией в центре внимания. *Российский совет по международным делам: официальный сайт*. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rzhavyy-poyas-na-granitse-s-rossiey-v-tsentre-vnimanija/?sphrase_id=76202%23top-content (Дата обращения: 15.09.2017)

20 На окружном уровне процент местных кадров в руководстве составляет 54,5%, тогда как уже на провинциальном уровне он значительно меньше – 27%. См.: Liang Q. Performance, preference, promotion: political mobility of Chinese regional leaders. Louisiana State University Doctoral Dissertation, 2014. P. 93. URL: http://digitalcommons.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2562&context=gradschool_dissertations (Accessed: 01.10.2017)

21 行政级别 («синчжэн цибэ»). Фактически данная система была установлена еще в 1993 г. Временным положением о государственных служащих.

и далее перевод на должность секретаря провинциального парткома. В среднем срок нахождения на должности при оптимальном развитии карьеры составляет 3–5 лет. Задержка на одной позиции свидетельствует о стагнации карьеры чиновника.

Во-вторых, существует негласная иерархия территорий, согласно которой назначение в одни регионы является более ответственным и почетным, чем в другие. В рамках ротации определенный чиновник может переводиться на аналогичную должность в другом регионе, и это будет являться не «горизонтальным перемещением», а повышением²².

В-третьих, движение по карьерной лестнице коррелируется с возрастом чиновника²³ и пятилетним циклом партийных съездов. Так, к пику карьеры ганьбу подходят в возрасте около 60 лет. Наивысшее назначение приходится на жизненный отрезок 60–65 лет, причем процессуально привязывается к съезду партии. Если же функционер к этому возрасту не занимает высших партийных должностей, он получает почетную «предпенсионную» должность (чаще всего в представительных органах власти) и к 70 годам уходит на пенсию. Конституционно возраст нахождения на руководящих должностях не закреплён²⁴; чисто технически чиновники просто не получают новых на-

значений²⁵. Чиновники, достигающие к своему пику (60 лет) должностей руководителей провинциального уровня не двигаются дальше. Те же, кто получил подобное назначение в более молодом возрасте (45–55 лет), имеют высокие шансы по итогам последующих партийных съездов получить руководящую должность в центральных органах КПК.

Таким образом, осуществленная Си Цзиньпином в 2012–2017 гг. «кадровая революция» в регионах исходила из логики не только межфракционного соперничества (о чем уже упоминалось в предыдущем разделе), но и имела целью подготовку кадрового резерва для дальнейшего продвижения лояльных кадров в высшие органы.

Кадровые назначения на высшие руководящие должности провинциального уровня в 2012–2017 гг.

Все произошедшие в период правления Си Цзиньпина назначения представлены в Таблице 1.

Как видно из представленной информации, абсолютно все регионы провинциального уровня претерпели смену руководства в первую пятилетку правления Си Цзиньпина. Первые же перестановки начались в дека-

22 Liang Q. Performance, preference, promotion: political mobility of Chinese regional leaders. Louisiana State University Doctoral Dissertation. 2014. P. 44. URL: http://digitalcommons.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2562&context=gradschool_dissertations (Accessed: 01.10.2017)

23 Существует точка зрения, что в этом принципе воплощен конфуцианский подход к оценке авторитета человека: чем старше – тем авторитетнее. См.: Liang Q. Performance, preference, promotion: political mobility of Chinese regional leaders. Louisiana State University Doctoral Dissertation. 2014. P. 38. URL: http://digitalcommons.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2562&context=gradschool_dissertations (Accessed: 01.10.2017)

24 Существует ограничение на число сроков для административных, но не партийных должностей. Так, Си Цзиньпин, став Председателем КНР в 2013 г., может находиться на этом посту два срока по пять лет – до 2023 г., в то же время ограничения по сроку нахождения на высшей партийной должности (генсек ЦК КПК) у него нет. При этом, согласно установленной при Дэн Сяопине практике, он не будет переизбран XX съездом КПК, поскольку в 2022 г. достигнет «пенсионного возраста» 69 лет.

25 Liang Q. Performance, preference, promotion: political mobility of Chinese regional leaders. Louisiana State University Doctoral Dissertation. 2014. P. 75. URL: http://digitalcommons.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2562&context=gradschool_dissertations (Accessed: 01.10.2017)

Таблица 1. Кадровые назначения на высшие руководящие должности провинциального уровня в 2012–2017 гг.

№ ²⁶	Регион	Должность	к 2012 г.	2012 – 2017 гг.	к 2017 г.	лояльность Си ²⁷
1	Гуандун	секретарь	Ван Ян ²⁸ (до 12.2012)	–	Ху Чуньхуа (с 12.2012)	нет (“комсомольская группировка”)
		губернатор	Чжу Сяодань (до 12.2016)	–	Ма Синжуй (с 12.2016)	да (аэрокосм. фракция)
2	Шаньдун	секретарь	Цзян Икан (до 04.17)	–	Лю Цзяи (с 04.2017)	н/о
		губернатор	Цзян Дамин (до 03.2013)	Го Шудин (2013–2017)	Гун Чжэн (с 04.2017)	да (новая чжэцзянская армия)
3	Хэнань	секретарь	Лю Чжаньгун (до 03.2013)	Го Гэнмао (2013–2016)	Се Фучжань (с 03.2016)	н/о
		губернатор	Го Гэнмао (до 03.2013)	Се Фучжань (2013–2016)	Чэнь Жуньэр (с 04.2016)	Нет
4	Сычуань	секретарь	Лю Цибао (до 11.2012)	–	Ван Дунмин (с 11.2012)	да (антикорр. кампания)
		губернатор	Цзян Цзюйхун (до 03.2013)	Вэй Хун ²⁹ (2013–2016)	Инь Ли (с 01.2016)	да (кадровый резерв)
5	Цзянсу	секретарь	Ло Чжицзюнь (до 06.2016)	–	Ли Цян (с 06.2016)	да (новая чжэцзянская армия)
		губернатор	Ли Сюэюн (до 12.2015)	Ши Тайфэн (2015–2017)	У Чжэнлун (с 05.2017)	да (антикорр. кампания)
6	Хэбэй	секретарь	Чжан Цинли (до 10.2013)	Чжоу Бэньшунь (2013–2015)	Чжао Кэчжи (с 06.2015)	да (внутриэлитные семейные связи)
		губернатор	Чжан Цинвэй (до 04.2017)	–	Сюй Цинь (с 04.2017)	н/о
7	Хунань	секретарь	Чжоу Цян (до 03.2013)	Сюй Шоушэн (2013–2016)	Ду Цзяхао (с 08.2016)	да (новая чжэцзянская армия)
		губернатор	Сюй Шоушэн (до 08.2013)	Ду Цзяхао (2013–2016)	Сюй Дачжэ (с 09.2016)	да (аэрокосм. фракция)
8	Аньхой	секретарь	Чжан Баошунь (до 06.2015)	Ван Сюэцзюнь (2015–2016)	Ли Цзиньбинь (с 08.2016)	да (шэньсийский клан)
		губернатор	Ли Бинь (до 03.2013)	Ван Сюэцзюнь (2013–2015) Ли Цзиньбинь (2015–2016)	Ли Гоин (с 09.2016)	н/о

26 Регионы КНР провинциального уровня (провинции, города центрального подчинения, автономные округа) расположены в порядке убывания по населению провинции (согласно данным справочника China Statistical Yearbook 2016. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexeh.htm> (Accessed: 01.10.2017).

27 Данная графа содержит информацию о принадлежности провинциальных лидеров (по состоянию на сентябрь 2017 г.) к категории кадров, лояльных Си Цзиньпину. Условная фракционная принадлежность определяется по данным, изложенным в (Li, 2016a). В случае если, фракционная принадлежность чиновника не представляется очевидной, используется маркер «н/о».

28 Данные карьерных назначений приводятся по материалам сайта chinavitae.com

29 Звездочками (*) обозначены провинциальные лидеры, подвергшиеся уголовному наказанию в ходе антикоррупционной кампании 2013–2017 гг.

Таблица 1. Продолжение

№	Регион	Должность	к 2012 г.	2012 – 2017 г.	к 2017 г.	лояльность Си
9	Хубэй	секретарь	Ли Хунчжун (до 10.2016)	–	Цзян Чаолян (с 10.2016)	да (антикорр. кампания)
		губернатор	Ван Гошэн (до 06.2016)	–	Ван Сяодун (с 06.2016)	н/о
10	Чжэцзян	секретарь	Чжао Хунчжу (до 12.2012)	Ся Баолун (2012–2017)	Чэ Цзюнь (с 04.2017)	нет (“комсомол. группировка”)
		губернатор	Ся Баолун (до 12.2012)	Ли Цян (2012–2016) Чэ Цзюнь (2016–2017)	Юань Цзяцзюнь (с 04.2017)	да (аэрокосм. фракция)
11	Гуанси	секретарь	Го Шэнкунь (до 12.2012)	–	Пэн Цинхуа (с 12.2012)	н/о
		губернатор	Ма Бяо (до 03.2013)	–	Чэнь У (с 03.2013)	н/о
12	Юньнань	секретарь	Цин Гуанжун (до 10.2014)	Ли Цзихэн (2014–2016)	Чэнь Хао (с 08.2016)	да (связь с Си по работе в Шанхае)
		губернатор	Ли Цзихэн (до 10.2014)	Чэнь Хао (2014–2016)	Жуань Чэнфа (с 12.2016)	н/о
13	Цзянси	секретарь	Су Жун* (до 03.2013)	Цян Вэй (2013–2016)	Лу Синьшэ (с 06.2016)	да (земляческие свя- зи с Ван Цишанем)
		губернатор	Ли Синьшэ (до 06.2016)	–	Лю Ци (с 07.2016)	да (новая чжэцзянская армия)
14	Ляонин	секретарь	Ван Минь* (до 05.2015)	–	Ли Си (с 05.2015)	да (шэньсийский клан)
		губернатор	Чжан Чжэнгао (до 10.2014)	Ли Си (2014– 2015)	Чэнь Цюфа (с 05.2015)	да (аэрокосм. фракция)
15	Хэйлунцзян	секретарь	Цзи Бинсюань (до 03.2017)	Ван Сянькуй (2013–2017)	Чжан Цинвэй (с 04.2017)	да (аэрокосм. фракция)
		губернатор	Ван Сянькуй (до 03.2013)	–	Лу Хао (с 03.2013)	нет (“комсомольская группировка”)
16	Шэньси	секретарь	Чжао Лэцзи (до 12.2012)	Чжао Чжэньюн (2012–2016)	Лоу Циньцзянь (с 03.2016)	да (шэньсийский клан)
		губернатор	Чжао Чжэньюн (до 12.2012)	Лоу Циньцзянь (2012–2016)	Ху Хэпин (с 04.2016)	да (кадровый резерв)
17	Фуцзянь	секретарь	Сунь Чуньлань (до 12.2012)	–	Ю Цюань (с 12.2012)	нет (близость к шанхайской группировке)
		губернатор	Су Шулинь (до 11.2015)	–	Юй Вэйго (с 11.2015)	н/о
18	Шаньси	секретарь	Юань Чуньцин (до 2014)	Ван Жуйлинь (2014–2016)	Ло Хуйнин (с 06.2016)	нет (близость к “комсомольской группировке”)
		губернатор	Ван Цзюнь (до 12.2012)	Ли Сяопэн (2012–2016)	Лоу Яншэн (с 08.2016)	да (новая чжэцзянская армия)

Таблица 1. Продолжение

№	Регион	Должность	к 2012 г.	2012 – 2017 г.	к 2017 г.	лояльность Си
19	Гуйчжоу	секретарь	Чжао Кэчжи (с 07.2012 до 12.2015)	Чэнь Миньэр (2015–2017)	Сунь Чжиган (с 07.2017)	нет (“близость к комсомольской группировке”)
		губернатор	Чжао Кэчжи (до 12.2012)	Чэнь Миньэр (2012–2015)	Сунь Чжиган (с 10.2015)	
20	Чунцин	секретарь	Чжан Дэцзян (до 11.2012)	Сунь Чжэнцай* (2012–2017)	Чэнь Миньэр (с 07.2017)	да (новая чжэцзянская армия)
		мэр	Хуан Цифань (до 12.2016)		Чжан Гоцин (с 12.2016)	да (кадровый резерв)
21	Цзилинь	секретарь	Сунь Чжэнцай* (до 11.2012)	Ван Жуйлинь (2012–2014)	Баянкол (с 04.2014)	да (новая чжэцзянская армия)
		губернатор	Ван Жуйлинь (до 12.2012)	Баянкол (2012–2014) Цзян Чаолян (2014–2016)	Лю Гочжун (с 12.2016)	н/о
22	Ганьсу	секретарь	Ван Саньюнь (до 03.2017)	-	Линь До (с 03.2017)	да (антикорр. кампания)
		губернатор	Лю Вэйпин (с 04.2016)	Линь До (2016–2017)	Тан Жэньцзянь (с 04.2017)	н/о
23	Внутренняя Монголия	секретарь	Ху Чуньхуа (до 12.2012)	Ван Цзюнь (2012–2016)	Ли Цзихэн (с 08.2016)	н/о
		губернатор	Багатур (до 03.2016)	-	Бу Сяолин ³⁰ (с 03.2016)	н/о
24	Шанхай	секретарь	Юй Чжэншэн (до 11.2012)	-	Хань Чжэн (с 11.2012)	да (новая чжэцзянская армия)
		мэр	Хань Чжэн (до 12.2012)	Ян Сюн (2012–2017)	Ин Юн (с 01.2017)	да (новая чжэцзянская армия)
25	Синьцзян	секретарь	Чжан Чуньсянь (до 08.2016)	-	Чэнь Цюаньго (с 08.2016)	н/о
		губернатор	Нур Бекри (до 12.2014)	-	Шохрат Закир (с 01.2015)	н/о
26	Пекин	секретарь	Го Цзиньлун (до 05.2017)	-	Цай Ци (с 05.2017)	да (новая чжэцзянская армия)
		мэр	Ван Аньшунь (до 10.2016)	Цай Ци (2016–2017)	Чэнь Цзинин (с 05.2017)	н/о
27	Тяньцзинь	секретарь	Сунь Чуньлань (до 12.2014)	Хуан Синго* (2014–2016)	Ли Хунчжун (с 09.2016)	да (внутриэлитные связи)
		мэр	Хуан Синго * (до 09.2016)	-	Ван Дунфэн (с 09.2016)	да (шэньсийский клан)
28	Хайнань	секретарь	Ло Баомин (до 04.2017)	-	Лю Цыгуй (с 04.2017)	да (связь Си по работе в Фуцзяни)
		губернатор	Цзян Динчжи (до 01.15)	Лю Цыгуй (2015–2017)	Шэнь Сяоин (с 04.2017)	н/о

30 Одна из двух на данный момент женщин-руководителей провинциального уровня (и всего шестая в истории КНР), этническая монголка.

Таблица 1. Продолжение

№	Регион	Должность	к 2012 г.	2012 – 2017 г.	к 2017 г.	лояльность Си
29	Нинся	секретарь	Чжан И (до 01.2013)	Ли Цзяньхуа (2013–2017)	Ши Тайфэн (с 04.2017)	нет (связь Ли Кэцяна)
		губернатор	Ван Чжэнвэй (до 01.2013)	Лю Хуэй ³¹ (2013–2016)	Сянь Хуэй (с 10.2016)	н/о
30	Цинхай	секретарь	Цян Вэй (до 03.2013)	Ло Хуйнин (2013–2016)	Ван Гошэн (с 06.2016)	да (земляческие связи с Ван Цишанем)
		губернатор	Ло Хуйнин (до 03.2013)	-	Хао Пэн (с 03.2013)	да (аэрокосм. фракция)
31	Тибет	секретарь	Чэнь Цюаньго (до 08.2016)	-	У Инцзе (с 08.2016)	н/о
		губернатор	Падма Чолин (до 01.2013)	Лосан Джамкан (2013–2017)	Чэ Далха (с 01.2017)	н/о

бре 2012 г.³² – через месяц после 18-го съезда КПК. Секретари парткомов, пришедшие к власти в последние месяцы 2012 г., за месяц до 19-го съезда партии, оставались на своих должностях (то есть «высидели» весь пятилетний цикл) лишь в пяти регионах (Гуандун, Сычуань, Фуцзянь, Гуанси-Чжуанский автономный район (ГЧАР) и г. Шанхай).

Губернаторы ротировались значительно чаще, и пятилетний срок не «высидел» ни один из чиновников. «Долгожителями» являются губернатор ГЧАР Чэнь У и губернатор Хэйлунцзяна Лу Хао (оба – с марта 2013 г.). Причем в первом случае это отчасти объясняется конъюнктурой (главой народного правительства в ГЧАР мо-

жет быть только чжуан по национальности), а во втором случае – фракционной борьбой. Ставленник «комсомольской группировки»³³ Лу Хао возглавил народное правительство провинции в 46 лет. Имея подобный гандикап, можно было ожидать, что к 19-му съезду КПК он успеет пройти сразу две ступеньки иерархии (губернатор и партсекретарь провинции) и по итогам съезда войдет в Политбюро ЦК КПК с перспективами дальнейшего повышения к моменту «смены поколений» (2022 г.). Однако губернаторство Лу Хао сложно назвать удачным. Темпы роста ВРП провинции постоянно падают, а в марте 2016 г. губернатор оказался ввязан в скандал. В шахтерском городе Шуанъяшань прошли де-

31 Одна из двух на данных момент женщин-руководителей провинциального уровня (и всего седьмая в истории КНР), этническая хуэйка.

32 Особняком стоит ситуация в Гуандуне, Чунцине, Шанхае и Внутренней Монголии, где руководители парткомов были избраны в Политбюро ЦК КПК и, соответственно, получили новые кадровые назначения.

33 Близость Лу Хао к «комсомольцам» и Ху Цзиньтао не вызывает сомнений даже у критиков фракционного подхода к изучению верхушки КПК. До своего назначения на пост губернатора провинции Хэйлунцзян Лу Хао являлся руководителем пекинской зоны развития высших технологий «Чжунгуаньцунь», в качестве вице-мэра Пекина курировал проведение Пекинской Олимпиады и руководил китайским комсомолом. С Ли Кэцяном его объединяет не только общая альма-матер (Пекинский университет), но и общий научный руководитель. К «туаньпай» относился и его партийный шеф в Хэйлунцзяне Ван Сянькуй в 2013–2017 гг. (Li, 2016a. p. 286–287).

монстрации, критикующие Лу Хао, который публично заявил об отсутствии долгов по зарплате перед сотрудниками компании «Лунмэй»³⁴. Ослабление позиций Лу Хао оказалось на руку фракции Си Цзиньпина, что, возможно, и является причиной многочисленных утечек о ситуации в Шуанъяшани со стороны СМИ и довольно мягкой реакции властей на эти события. Согласно закрытым оценкам, после 19-го съезда он получит почетный, но мало решающий пост министра культуры, что фактически ставит крест на его дальнейшей карьере.

Аналогичные процессы в период 2012–2017 гг. наблюдались во всех трех северо-восточных провинциях КНР, играющих важную роль в приграничном сотрудничестве с Россией. К 2012 г. СВК считался «вотчиной комсомольцев», однако в результате кадровых перестановок и активного использования антикоррупционных рычагов Си Цзиньпину удалось поставить регион под свой контроль.

В результате проведенных трансферов власти кадры, составляющие ближний круг нынешнего председателя КНР, оказались в руководстве как минимум 19 регионов провинциального уровня. Контроль оппозиционной Си группировки «комсомольцев» сохранился лишь в шести провинциях (Гуандун, Хэнань, Чжэцзян, Шаньси, Гуйчжоу, Нинся). Причем «безусловным» (то есть там, где власть партийного секретаря не уравновешивается властью губернатора) его можно назвать только в двух беднейших регионах Китая: провинции Гуйчжоу и Нинся-Хуэйском автономном районе. Существуют и нюансы: так, партийный шеф Гуандуна Ху Чуньхуа справедли-

во считается протеже лидера «комсомольцев» Ху Цзиньтао (Lam, 2016b), однако его руководство в Гуандуне характеризуется жесткостью и разительностью отличается от либеральной линии Ван Яна, что позволяет предположить, что «маленький Ху» начал собственную игру в стремлении доказать свою лояльность Си Цзиньпину. Между тем Гуандун является ключевым регионом в Китае, и контроль над ним важен для Си как с психологической (его отец Си Чжунсюн в свое время руководил этой провинцией), так и с сугубо экономической точки зрения.

В течение пятилетнего цикла 2012–2017 гг. наиболее громкой оказалась смена комсомольцев на сторонников Си Цзиньпина в Цзянсу, Сычуани, Аньхое, Цзянси, во всех трех провинциях Северо-Восточного Китая, а также городе Чунцин. В целом же потенциальный конфликт между двумя ветвями власти, разделенными по фракционному принципу, наблюдается в Гуандуне, Чжэцзяне, Шаньси, где парткомы возглавляют лица, предположительно оппозиционные Си Цзиньпину, а также в Хэнане и Хэйлуцзяне, где «комсомольцы» возглавляют народные правительства. Как и в случае с Лу Хао, можно ожидать, что и другие «комсомольцы» в регионах окажутся вытесненными ставленниками Си, что позволит нынешнему лидеру не опасаться сопротивления своему социально-экономическому курсу на местах.

Заключение

Приход к власти Си Цзиньпина в 2012 г. состоялся в условиях разгула коррупции, падения авторитета властей у населения, снижения темпов ро-

34 黑龙江煤矿工人讨薪 省长陆昊出面“灭火”. BBC. URL: http://www.bbc.com/zhongwen/simp/china/2016/03/160313_china_miner_protest (Accessed: 01.10.2017)

ста экономики и нарастания внутреннего долга. Желание стабилизировать положение в стране и укрепить власть правящей партии вызвали появление новых тенденций в политическом развитии Китая. Одной из самых ярких стала активная работа по замене региональных лидеров новыми, лояльными Си Цзиньпина и его фракции.

Данная работа осуществлялась в соответствии с ранее установившейся практикой ротации руководящих кадров, и в самом факте кадровых перестановок ничего примечательного не было. Однако в отличие от предыдущих десятилетий, когда кадровые назначения отражали принцип коллективного руководства и были результатом компромисса различных фракций, в 2012–2017 гг. произошла настоящая «кадровая революция». Большая часть новых региональных лидеров оказалась из числа лиц, лояльных Си Цзиньпину и его ближайшим соратникам (Ван Цишань, Чжао Лэцзи, Ли Чжаньшу), тогда как смещались со своих должностей лица, связанные с предыдущим руководством КНР и «комсомольской группировкой».

Основной целью данной «кадровой революции» явилось стремление Си Цзиньпина централизовать власть в стране, консолидировать ее вокруг своей личности и обеспечить поддержку регионов в реализации проводимой им политики, направленной на выход Китая из наметившегося социально-экономического кризиса и укрепление монопольного положения КПК вкупе с повышением способности партии управлять усложнившимся урбанизированным обществом.

К моменту 19-го съезда КПК (октябрь 2017 г.) поставленная задача по замене оппозиционных кадров лояльными в основном была выполнена. С одной стороны, в течение следующего пятилетнего цикла это позволит нынешнему ру-

ководству более эффективно осуществлять свою социально-экономическую повестку, не опасаясь сопротивления с мест. С другой стороны, подобное положение открывает путь для дальнейшей концентрации власти в руках Си Цзиньпина, что может вылиться в установление режима персональной диктатуры в маоистском духе, сочетающегося с окончательным отходом от принципов коллективного руководства и сменяемости поколений руководителей, которые были заложены на рубеже 1980–1990-х гг. Дэн Сяопином.

Список литературы

Вавилов Н. (2017). *Некоронованные короли красного Китая. Клань и политические группировки КНР*. Санкт-Петербург: КАРПЕ ДИЕМ. 207.

Виноградов А.О. (2016). Поколения не по возрасту. *Россия в глобальной политике*, (5). 188–191.

Гудошников Л.М. (ред.). (2004). *Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в конце XX – начале XXI в. М.: Памятники ист. мысли. 477.*

Денисов И.Е. (2015). Китайские и западные ценности в современном политическом дискурсе КНР. *Полис. Политические исследования*, (6). 35–44.

Зуенко И.Ю. (2012). Фракционная борьба в КПК на современном этапе: комментарии к сложившимся стереотипам. Китай в процессе модернизации государства и общества (к итогам XVIII съезда КПК) (по материалам круглого стола). *У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень*, 28 (226). 16–25.

Зуенко И.Ю. (2017). Китайская политика в эпоху Си Цзиньпина: переоценка принципа коллективного руководства. *Россия и АТР*, (2). 231–236.

Румянцев Е.Н. (2016). *Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина*. М.:

Синосфера. 589.

Bergsten C.F. [et. al.]. (2008). *Rise of China: Challenges and Opportunities*. Washington: Peterson Institute for International Economics. 269.

Heilmann S. (2016). China's Core Executive: Leadership Styles, Structures and Processes under Xi Jinping. *MERICIS Papers on China*, (1). 97.

Hu X., Hassink R. (2017). Place leadership with Chinese characteristics? A case study of the Zaozhuang coal-mining region in transition. *Regional studies*, 51(2). 224–234. DOI: 10.1080/00343404.2016.1200189

Lam W. (2014). The rise of the Military-space faction. *The Jamestown Foundation China Brief*, (18). 4–7.

Lam W. (2016a). The Emergence of the Wang Qishan Faction. *The Jamestown Foundation China Brief*, (19). 3–6.

Lam W. (2016b). The eclipse of the Communist Youth League and the Rise of the Zhejiang Clique. *The Jamestown Foundation China Brief*, (26). 3–6.

Lampton D. (2014). *Following the Leader: Ruling China, from Deng Xiaoping to Xi Jinping*. Berkley; Los Angeles: University of California Press. 312.

Li C. (2014). Xi Jinping's Inner Circle: the Shaanxi Gang. *China Leadership Monitor*, (43). 1–21.

Li C. (2016a). *Chinese Politics in the Xi Jinping Era: Reassessing Collective Leadership*. Washington: Brookings Institution Press. 528.

Li C. (ed.). (2016b). *China's Changing Political Landscape: Prospects for Democracy*. Washington: Brookings Institution Press. 342.

References

Bergsten C.F. [et. al.]. (2008). *Rise of China: Challenges and Opportunities*. Washington: Peterson Institute for International Economics. 269.

Denisov I.E. (2015). *Chinese and western values in modern political discourse of PRC*. *Polis. Political Studies*, (6). 35–44

Gudoshnikov L.M. (red.). (2004). *How China is ruled: Evolution of power structures in China*. Moskva: Pamyatniki ist. mysli. 477.

Heilmann S. (2016). China's Core Executive: Leadership Styles, Structures and Processes under Xi Jinping. *MERICIS Papers on China*, (1). 97.

Hu X., Hassink R. (2017). Place leadership with Chinese characteristics? A case study of the Zaozhuang coal-mining region in transition. *Regional studies*, 51(2). 224–234. DOI: 10.1080/00343404.2016.1200189

Lam W. (2014). The rise of the Military-space faction. *The Jamestown Foundation China Brief*, (18). 4–7.

Lam W. (2016a). The Emergence of the Wang Qishan Faction. *The Jamestown Foundation China Brief*, (19). 3–6.

Lam W. (2016b). The eclipse of the Communist Youth League and the Rise of the Zhejiang Clique. *The Jamestown Foundation China Brief*, (26). 3–6.

Lampton D. (2014). *Following the Leader: Ruling China, from Deng Xiaoping to Xi Jinping*. Berkley; Los Angeles: University of California Press. 312.

Li C. (2014). Xi Jinping's Inner Circle: the Shaanxi Gang. *China Leadership Monitor*, (43). 1–21.

Li C. (2016a). *Chinese Politics in the Xi Jinping Era: Reassessing Collective Leadership*. Washington: Brookings Institution Press. 528.

Li C. (ed.). (2016b). *China's Changing Political Landscape: Prospects for Democracy*. Washington: Brookings Institution Press. 342.

Rumyantsev E.N. (2016). *Internal and foreign policy of Xi Jinping*. Moskva: Sinosfera. 589.

Vavilov N. (2017). *Uncrowned kings of red China. Clans and political groupings of the PRC*. Sankt-Peterburg: KARPE DIEM. 207.

Vinogradov A.O. (2016). Generations do not fit the age. *Rossiia v global'noi politike*, (5). 188–191.

Zuenko I.Yu. (2012). Factional struggle in CPC on current stage: comments for the stereotypes China in the process of modernization of the state and society (the results of the XVIII Congress

of the CPC) (based on the materials of a round table). *U karty Tikhogo okeana. Informatsionno-analiticheskii byulleten'*, 28 (226). 16–25.

Zuenko I.Yu. (2017). Chinese politics under Xi Jinping: Reassessing Collective Leadership. *Rossiia i ATR*, (2). 231–236.

Информация об авторе

Иван Юрьевич Зуенко, младший научный сотрудник, Центр азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук

690000, Российская Федерация, Приморский край, Владивосток, Пушкинская ул., 89
ivanzuwei@gmail.com

About the Author

Ivan Yu. Zuenko, Junior Research Fellow, Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

89, ul. Pushkinskaya, Vladivostok, Primorsky Krai, Russian Federation, 690000
ivanzuwei@gmail.com